



Дарья Донцова

Мокрое дело ВОДЯНОГО



Любительница частного сыска **Даша Васильева**

Дарья Аркадьевна Донцова
Мокрое дело водяного
Серия «Иронический
детектив (Эксмо)»
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 62

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63421172
Мокрое дело водяного: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-116308-2

Аннотация

Дашу Васильеву и полковника Дегтярева позвал на юбилей их хороший друг Федор Мухин. Гости гуляли с размахом, ели, пили, веселились, наслаждались концертом с участием звезд мировой эстрады. Мухин, богатый человек, совсем не жаден, деньги он тратит легко. Да и человек хороший, прекрасно относится к Елене, родной сестре своей жены Светланы. Любит Нину, дочь свояченицы от ее первого неудачного брака, ни в чем не отказывает ни ей, ни своей дочери Кате. Счастливая семья, богатая, успешная. Во время праздника Светлане становится плохо. Так плохо, что ее спешно увозят в больницу. Там выясняется, что женщину отравили! И это явно сделал кто-то

из своих. Федор категорически не желает привлекать полицию, найти преступника он просит Дегтярева, который теперь владеет детективным агентством. Ну и как тому справиться без Даши Васильевой? И конечно же, Даша найдет преступника, даже если для этого ей придется превратиться в... электрика!

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	30
Глава пятая	40
Глава шестая	46
Глава седьмая	54
Глава восьмая	60
Глава девятая	68
Глава десятая	75
Глава одиннадцатая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Дарья Донцова

Мокрое дело водяного

© Донцова Д.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021



Дарья Донцова

Мокрое
дело ВОДЯНОГО
роман



Москва

2004

Глава первая

– Если я возьму в ипотеку десять миллионов, то потом придется двадцать пять лет отдавать деньги банку с большими процентами, а если украду десять миллионов, то меня посадят лет на шесть, и никаких процентов.

Я подошла к открытому окну и выглянула во двор. Чуть поодаль от дома на скамейке спиной ко мне сидели две девушки, и это было странно. На дворе декабрь, большого мороза нет, всего минус один, но ведь и не лето, чтобы коротать время на лавочке.

– Кать, перед тем как тебя за решетку запихнуть, все денежки конфискуют, – возразила одна.

Вторая засмеялась.

– Ну да, бабки отнимут, если ты дура и положишь их на свой счет. Умный человек всегда останется со своей добычей.

– Как? – спросила ее подруга. – По телику говорят: арестовали такого-то, деньги отобрали.

– Вот поэтому у тебя, Ниночка, плохо с отметками, – ехидно засмеялась Екатерина, – несообразительная ты.

– С оценками у меня все нормально, – обиделась Нина, – четверки и тройки. Да, я не отличница, как ты. Зато у меня есть время делать то, что я хочу, а ты, Катька, задницей к стулу прилипла, зубришь и зубришь. У нас в классе кроме те-

бя только еще Шевченко такой. Но он из нищей семьи, в нашей гимназии учится по программе, которую Федор Петрович придумал. Он оплачивает образование бедным, если они побеждают в олимпиадах. С Шевченко все ясно, ему нужна медаль, тогда дядя Федя отправит его за границу в колледж. А тебе какой смысл пахать? Живи спокойно, тебя, Мухина, все равно в вуз пристроят на коммерческой основе. Чего молчишь?

Катя помедлила и ответила:

– Да все не так просто, как тебе кажется. Папа только с чужими добренький. А когда я перешла в четвертый класс, он сказал: «Я работаю, всех содержу, лентяев терпеть не могу. Ко мне многие обращаются, все одну песню поют: «Дайте денег». Один кредит взял на айфон, другому нужна квартира, третий отдохнуть мечтает. Спрашивается: при чем тут я? Ах, у Федора Петровича капитал солидный! А раз так, пусть отламывает куски нам, бедным, убогим. Стоп. Если ты бедный, то не я в этом виноват. Начнешь изучать человека, который при зарплате в двадцать тысяч телефон за двести тысяч приобрел, спросишь: «Зачем дорогую трубку купил? Есть подходящие модели тебе по карману!» И ответ прилетает: «Все с дорогими мобилами ходят, а я, как лох, с барахлом?» Ну нет! Лох ты потому, что полагаешь, будто айфон тебя в глазах окружающих сделает успешным. Парень, где ты работаешь? Какой у тебя график? Сидишь в конторе типа «Рога и копыта», ни черта не делаешь, домой по-

сле обеда уходишь? Да кто тебе такому достойную зарплату назначит? Иди учиться, получай хорошую профессию, стань в своем деле эксклюзивным специалистом, паши ко-нем с восьми утра до ночи – и получишь солидный зарабо-ток. Мне мое бабло не в наследство досталось, я не спер его, заработал сам, потому что вышел на рынок с предложением, которого до меня никто не делал. И не сплю до сих пор до полудня, в шесть утра на пробежку выхожу, потом еду в офис. В пятницу на шоссе не протолкнуться, уже в три часа дня выстраивается пробка в область. И кто там стоит на новых машинах? Лентяи, которые уже перестали работать и попер-ли отдыхать за город. Автомобили в кредит взяли, выпенд-рились из последних сил, катят на «Порше», «БМВ», чтоб их лохами не считали. В кошельках пусто, жрут сосиски дерь-мовые, дети ходят в пакостную бесплатную школу, где сорок балбесов в классе. Жена у такого мужа на работе убивает-ся, потом дома прислугой пашет, на домработницу средств нет. Лечатся такие в районной поликлинике. Но зато ездят на «Порше»! Глава семьи не лох! Вечно он недоволен, что денег нет. А на отдых еще кредит хапает, в Доминикану ле-тит на пять дней. Сутки туда, сутки назад, вернулся домой – заболел, потому что все биоритмы сбил, акклиматизировать-ся не успел. Зато в соцсети фото вывалил: «Глядите, люди, я в Доминикане отдыхаю, я не лох». Да, ты не лох, а идиот! Нет бы найти нормальную службу. Да, тогда в три часа дня в пятницу будет не до отдыха, выходной, скорее всего, один

на неделе. И автомобиль надо купить по средствам, и отдыхать по своим деньгам! Вот тогда ты будешь не лох, а умный человек, достойный уважения».

Катя перевела дыхание.

– Чего дядя Федя так окрысился? – изумилась Нина.

Екатерина понизила голос:

– А кто его знает. Он вечно всех лодырями обзывает. Толкнул, значит, папаня речугу и объяснил: «Отец тебя кормит, одевает, гувернанток нанимает, любые капризы твои исполняет, а ты тварь неблагодарная».

– Вау! – подпрыгнула Нина. – Так и сказал?

– Прикинь! – возмутилась Катя. – Даже сейчас, когда мне четырнадцать, обидно. А в десять лет я просто испугалась. Ну и дальше папаша мне объяснил. Детство закончилось, бесплатно меня он содержать не намерен. Пора идти работать.

– Кем? – ахнула Нина.

– Ученицей, – фыркнула Катя, – если за неделю не получу ни одной четверки, то могу что-нибудь просить. В разумных пределах. В дневнике не одни пятерки? Есть и четверки? Половина моих желаний отрезается. Вдруг тройка? Вообще мне ни фиги не положено. Про неуд он промолчал, но я думаю, что за двояк он меня на хоздворе расстреляет.

– Ну, это навряд ли, – испуганно пролепетала Нина.

– А кто его знает! – повторила Катя. – Вот я и стараюсь.

– Слушай, мне тебя жалко, – всхлипнула Нина, – хоть ты

моя двоюродная сестра и вредина.

– Мне самой себя жалко, – призналась Катя, – сначала хотела назло папаше одни колы получать. Да вовремя одумалась. Только хуже будет. Теперь таскаю пятерки. Терплю. Жду.

– Чего? – спросила Нина.

– Медаль получу, отец отправит меня в Америку в колледж, – стала делиться своими планами Екатерина, – обещал, что я сама выберу вуз. Я нашла такой, где за обучение платят все сразу, не за один год, а за пять. Пусть деньги внесет, я улечу за океан. Только он меня потом и видел. До свидос навсегда. Найду мужа-америкоса, денежную работу. Забуду папашу с мамашей! Никогда к ним не вернусь. Даже на похоронах не покажусь. Но не забуду, что я наследница! В конце концов папашкины миллиарды – мои!

– Ой, тетя Света плакать будет, – пробормотала Нина.

– Ха! – подпрыгнула Катя. – Мать знает, как отец надо мной издевается. Он все регламентирует. С кем мне дружить, куда гулять ходить даже по поселку. В Москву одной не поехать, только с шофером и мерзотной Лариской. Думаешь, я рада, что до сих пор везде с нянькой таскаюсь? Мне уже четырнадцать! Если я взрослая и должна все для себя зарабатывать отметками, на хрен мне гувернантка? Вчера у папани новый виток маразма случился. После Нового года я и ты, кстати, должны заниматься благотворительностью.

– Когда я говорила, что тетя Света плакать будет, имела

в виду не ее тоску по тебе. Она зарыдает, когда сообразит, что ей с тобой наследством придется делиться. А насчет помощи нищим, так это не новость, — сказала Нина, — мы с тобой вместе с мамашами ездим в хоспис. Раздаем там подарки.

Катерина издала стон.

— Ага. Раз в полгода больных навещаем, отдаем директрисе пакеты, а нас чаем угощают. Бла-бла и до свидос. В январе все иначе будет. В воскресенье нас привезут в хоспис к восьми утра, дадут швабры. Мойте, Катенька и Ниночка, полы, выносите дерьмо. До шести вечера.

— Ужас! — подпрыгнула Нина. — Дядя Федя точно псих. В воскресенье! А отдыхать когда?

— Никогда, — отрезала двоюродная сестра, — тот, кто в выходной в компе шарится, с подругами общается, кино смотрит, родня лентяям, которые в пятницу днем на дороге пробки устраивают! Вот так! Отец решил из меня и тебя воспитать достойных людей! Я типа отличница, никогда не сплю, в хосписе полы тру! Ну и ты такая же, скажи спасибо, что мой папаша от тебя пятерок не требует. Я не хочу санитаркой быть. Боюсь, вдруг заражусь там чем-нибудь.

— Кошмар, мне тоже не хочется в больничке убиваться, — зачастила Нина. — Делать-то что?

— Ничего, — грустно ответила Катя, — Мне — улыбаться, терпеть, ждать, когда улечу в Америку. А ты сама думай.

— Ты сейчас в восьмом классе, — напомнила Нина, — еще

тьму лет на уроках сидеть придется.

– Выдержу, – буркнула Катя, – у меня есть цель: обрести свободу.

– Надо поговорить с мамами, – оживилась Нина. – Пусть тетя Света мужу объяснит: так с ребенком нельзя. А моя ма-
муля попросит дядю Федю: не трогай племянницу. Или с ба-
бушкой пусть побеседуют, Ольга Гавриловна...

Глава вторая

Катя рассмеялась.

– Нинуль, бабушка – мать отца. По ее мнению, что он делает, то и правильно. Папаша меня вчера за завтраком ругал. Помнишь?

– Ага, – кивнула Нина, – ты ела омлет, уронила кусочек на скатерть. Ерунда. Но получила столько люлей, словно вообще семью опозорила. Никогда я дядю Федю таким злым не видела. Обычно он добрый.

– Потерял лицо, – хмыкнула Катя, – со вчерашнего вечера совсем оборзел! Че с ним случилось?

– Я читала в интернете, что перед днем рождения у человека всегда приступ злобности случается, – сказала Нина, – дядя Федя сегодня отпразднует, получит много подарков и подобрееет.

– Не смейся меня, – отмахнулась Катя. – Ты не заметила, что он давно на всех бросается? Домой приедет, глаза злые, даже на бабуку так смотрит, что страшно делается. Я его боюсь!

– Может, нам с бабулей поговорить? – предложила Нина. – Она на дядю Федю влияние имеет, он ее слушается, отменит работу в хосписе.

– Эй, Буратино! Ты не поняла? – фыркнула Катя. – О чем я только что говорила? Отец и бабуку ненавидеть стал. Вооб-

ще охренели! Она нам не поможет! Для старухи сыночек как кольцо для Горлума. «Моя прелессть»¹. Как бабуленция отреагировала сегодня, когда ее сынуля орал на меня за кусочек омлета на скатерти?

– Ну... она ему сказала... – начала Нина.

– «Плохо воспитанного подростка сложно переделать, – перебила сестру Катя. – Феденька, успокойся, не дай Бог у тебя давление повысится». Здорово?

Нина ничего не ответила.

– И мать с тетей Леной сделали вид, что оглохли, – продолжала Катя, – никто за меня не вступился. Почему?

– Мамуля тебя любит, – пролепетала Нина, – в смысле моя, твоя тетя. Может, она просто не слышала, что дядя Федя говорил?

– Он вопил! – уточнила двоюродная сестра. – Хорошо, что участок у нас три гектара, соседям не слышно. У тети Лены здоровые уши! Чего она молчала? Объяснить?

Нина кивнула.

– Не понравится тебе правда, – предупредила Катя, – может, не нужна она тебе?

– Говори, – велела Нина.

– Без обид! – воскликнула Екатерина. – Я тебя предупредила.

¹ Катя вспоминает одного из героев книги «Хоббит, или Туда и обратно», которую написал Джон Рональд Руэл Толкин, британский писатель, поэт, лингвист, профессор Оксфордского университета.

– Начинай, – пролепетала Нина.

– Где твой отец? – задала неожиданный вопрос Катя.

– Он ушел от нас, – ответила двоюродная сестра, – не помню его, совсем маленькой была.

– Где вы живете? – продолжала Екатерина.

Нина показала рукой налево.

– Смеешься? Наш дом впритык к вашему особняку стоит.

– Откуда он у вас? – не отставала Катя.

– Ну... мама... построила, – протянула Нина.

– На одном участке с нами? Да еще так, что два здания как одно, только входы разные? – хмыкнула Катя. – А теперь слушай правду. Тетя Лена вышла замуж по глупости. Ей тогда едва восемнадцать исполнилось. Все отговаривали ее в загс с Николаем идти, но она уперлась. Очень быстро забеременела, родила тебя. А Николай переметнулся к другой, бросил жену и дочь без денег. Моя мама попросила мужа: «Помоги Лене, она совсем молоденькая, глупая». Отец пошел ей навстречу, он тогда как раз начал дом строить, ну и приделал к нему еще часть, вас там поселил. И что вышло?

– Э... э... мы живем все вместе, – сказала Нина, – одной семьей.

– Во! – воскликнула Катя. – Живете даром, ни за что не платите. Едите у нас, а если не приходите, то вам повар жаренку относит. Ты ходишь в ту же гимназию, что и я. Кто платит за обучение? Кто тетю Лену без образования устроил в одну свою фирму генеральным директором? Звучит красиво, да

подчиненных у нее только два человека. Вы с матерью ездите на дорогой машине, одеваетесь не на рынке. Откуда доход?

Нина призналась:

– Не знаю.

– Кредитка платиновая у Лены в кошельке, – засмеялась Катя, – безлимитная. Твоя мать ее на кассе в терминал вставляет, а с чьего счета бабки уходят? За любые ваши покупки и за все-все мой папаня платит. Он содержит свою семью, сестру жены и племянницу. Да кто с ним спорить станет? Кто меня защитит?

Нина опустила голову.

– Молчишь? – осведомилась Катя. – И правильно. Все боятся за свое благополучие, приседают и кланяются Федору, всем плевать на меня. Да я сама перед отцом на коленях ползаю, жду, когда он меня в Америку отправит.

– Екатерина, ты где? – закричал пронзительный женский голос.

– Нас зовут, – восторженно сказала Нина.

– Тебя? – спросила Катя.

– Что? – не сообразила сестра.

– Тебя разыскивают? – переспросила Катерина.

– Не-а, – ответила Нина.

– Ну и сиди тихо, – пожала плечами Екатерина, – без тебя разберусь. Пусть управляющая побеждает, ей полезно, задница меньше станет.

– А где Лариса? – изумилась Нина.

Двоюродная сестра рассмеялась.

– Ты ежик в тумане. Только сейчас поняла, что гувернантки нет?

– Ага, – призналась Нина.

– Новый год скоро, – пояснила сестра, – Ларку всегда отпускают накануне папашиного дня рождения. Возвращается она третьего января. Отпуск у змеи. Сегодня уезжает.

– Точно, я совсем забыла, – подпрыгнула Нина, – супер! Дракула смывается! Можем на дне рождения дяди Феди оторваться.

– Заткнись, – велела Катя, – не напоминай про вечер! Не хочу праздновать день, когда папашка на свет появился. Терпеть его не могу! Жаль, что врач в роддоме не уронил папаню башкой о пол. Бумс! И нет его!

– Ну, тогда и тебя не было бы, – засмеялась Нина.

– Не хочу изображать веселье вечером, – злилась ее сестра, – ненавижу его день рождения. Хватит об отце трепаться. Давай о чем угодно, кроме как о нем.

– К вам гости приехали, – Нина послушно перевела беседу в другое русло.

– Ага. Дарья и Александр Михайлович, – уточнила Катя.

– Она милая, – оценила меня Нина.

– С ее деньгами можно быть милой, – фыркнула Катя.

– Муж у нее смешной.

– Александр Михайлович Дашке никто, – буркнула Катя, – они просто вместе живут.

– Любовники? – предположила Нина.

Екатерина издала смешок.

– А фиг их знает. Он раньше полицейским был, сейчас частный детектив. Она ни хрена не делает. Дегтярев давно дружит с Ольгой Гавриловной, моей бабкой. Где они познакомились, не спрашивай, мне не рассказывали. Они давно общаются, еще с тех времен, когда папаня только окончил институт. Вообще-то старуха к ним всегда сама катается. А тут, радуйтесь, они приперлись, поселились в гостевом домике. Скоро безумие начнется! У папаши день рождения! Народу привалит вечером!

– Да! – радостно воскликнула Нина. – В зале для приемов столы расставили. Ой, какое красивое платье мне мама купила! В пол! От Дольче Габбана! Туфли от Валентино. Приедет стилист, сделает прическу, макияж. А еще...

Девочка опять подпрыгнула на скамейке.

– Ольга Гавриловна обещала дать мне серьги и кольцо из ее украшений. Вот здорово! Дяде Феде подарков нанесут!

Похоже, восторг сестры по поводу праздника не пришелся по вкусу Екатерине, и она решила омрачить радость Нины.

– Дерьма всякого. Мало кто приличное дарит. В основном бутылки и хрень разную. Ручки, книги тупые, картины. Последние мрак! Берут репродукцию какого-то известного полотна, ну, например, «Христос и дети». И вместо Бога вставляют изображение папашки. Охренеть, как красиво!

– Ну да, согласна, – сказала Нина, – дядя Федя в про-

шлом году велел управляющей: «Отнеси все барахло в гостевой дом, потом посмотрю, что там». Через несколько дней он отобрал то, что ему нравится, и сказал нам: «Девчонки, можете рыться в презентях, берите, что хотите». Помнишь? Твой папа не всегда злой, он и добрым бывает.

– Ага, – протянула Катя, – сладенький такой. Отдал детям дерьмище, которое самому не нужно. Да плевать мне на его разрешение. Не желаю в куче навоза бриллиантик искать, да и нет его там! Ты одна помчалась на дрянь смотреть. Я не пошла.

– Ой, ты не права, – снова возразила Нина, – да, я помчалась в домик. А там! Вау! Коробок конфет полным-полно! Дорогие! Наборчики: гели, кремики для тела, бомбочки в ванну. Столько всего! Полотенца с кошками!

– Живыми? – осведомилась Катя.

Нина осеклась.

– Чего?

– Полотенца с кошками, – ехидным тоном повторила сестра, – я не поняла: киски живые?

– Да ты чего! – развеселилась Нина. – Картинки на махровых простынках.

– А-а-а, – протянула Катя, – а я уж решила, что папаше кошек приволокли...

– Вот вы где! – раздался сердитый голос, и к скамейке подошла полная женщина в шубе из опоссума, – сидите на скамейке! На дворе декабрь!

– Лариса Германовна, вы еще не уехали? – сладким голосом завела Катя. – Нам что, нельзя гулять?

– В свободное время можно, – ответила гувернантка, – именно гулять, а не сидеть на лавке. Вставайте, иначе простудитесь.

Катя медленно поднялась и с чувством произнесла:

– Спасибо вам, я не подумала, что простужусь. Глупая я, не сообразила.

Няня не обратила внимания на ее слова.

– Ступайте в дом, померьте наряды, позднее стилист придет.

– Здорово! – восхитилась Нина и побежала по дорожке к дому.

– Ой, ой! – зааплодировала Катя. – Прическу сделает, макияж!

– В комнате вас ждет подарок от бабушки, – сообщила гувернантка.

Катя ахнула.

– Правда! Какой?

– Секрет, – не дрогнула Лариса.

Воспитанница заныла:

– Ну, плиз, скажите, ну, очень хочется...

– Вечернее платье от Валентино, – выдала тайну Лариса, – плюс туфли. Кроме того, Ольга Гавриловна велела тебе зайти к ней в будуар. Подберет украшение из своих. Екатерина, ты должна каждый день благодарить Бога за то, что родилась

в обеспеченной семье, где родители и бабуля обожают тебя! Балуют безмерно.

– Да, да, да, – зачастила Катя, – спасибо, Боженька, я самая счастливая на свете. Так хочу примерить платье и туфельки. Bay!

Екатерина опрометью бросилась вслед за Ниной. Лариса рассмеялась и двинулась за воспитанницей.

– Осторожно, упадешь. Жаль, не увижу вас при полном параде, через час уеду в аэропорт.

Глава третья

Я отошла от окна, подошла к шкафу и стала осматривать вещи, которые привезла с собой.

Катя права, Александр Михайлович дружит с Ольгой Гавриловной много лет. Вроде они познакомились, когда полковник занимался неким делом. Ольга ранее работала в каком-то НИИ лаборанткой. Мужа ее я в живых не застала, он умер, когда сын еще учился в вузе. А вот Федю хорошо знаю, он моложе меня, но всегда казался старше. Умный, целеустремленный, порой жесткий, очень требовательный к себе и другим. Щедрый. Катя, как многие подростки, обижена на весь мир. Вероятно, она неправильно воспринимает то, что ей говорит отец. Мы с Дегтяревым прекрасно знаем, что Федя женился не с бухты-барахты, не на первой красотке, которая попалась ему на пути. Долгое время он был холостяком, в конце концов даже Ольга Гавриловна забеспокоилась. Мать никогда не лезла в личную жизнь сына, не давала ему советов, не упрекала. Мухина интеллигентный, умный, воспитанный человек. Но отсутствие у сына супруги волновало ее, она спросила у Феди:

– Какие у тебя планы в отношении женитьбы?

Тот ответил:

– Не хочу идти в загс только потому, что надо обзавестись семьей. Отправляюсь под венец тогда, когда встречу женщину

и пойму, что с ней я проживу до гробовой доски.

Ответ сына не обрадовал мать. Но задавать вопрос: «А если таковая не повстречается?» она не стала.

Через пару лет после той беседы сыграли свадьбу. Вместе со Светланой появилась и ее сестра Лена. Несмотря на то что Елена младше Светы, она успела побывать замужем, и ей фатально не повезло. Ее супруг ушел к другой. Естественно, я никогда не лезла в грязных сапогах в чужую душу, не расспрашивала никого о судьбе Лениного мужа. Но Катя и Нина, болтая о своих родителях, не заметили нестыковки в датах. Дочь Светланы старше Нины. Как такое может быть, учитывая, что свадьбу Федор играл, когда Лена уже была в разводе? По идее Нина должна была появиться на свет до Кати. Хотя детям не все сообщают. Некоторые истории до них доходят спустя не одно десятилетие, а порой некие тайны так и остаются во мраке.

Елена присутствовала на свадьбе Светы в статусе свободной женщины. Бракосочетание прошло тихо, в гости никого не звали. Федя позвонил мне и сказал:

– Спешу сообщить, что вчера я покинул армию холостяков.

Я опешила.

– Вот так новость! Неожиданно. Поздравляю, хочу познакомиться с твоей женой.

– Чай с тортом будем пить чуть позже, – засмеялся новоиспеченный муж, – токсикоз у Светы.

– Еще раз поздравляю, – сказала я, – позвони, когда чай заварить, давно торт не ела.

Но сразу встретиться нам не удалось. Бедняжку Свету тошнило все девять месяцев, рожать ее отправили за границу. Мы с Федором и Ольгой Гавриловной часто общались по телефону, но встретились, когда Катя уже бегала по дому, который ее отец только-только построил. Мухин устроил новоселье, на которое позвал только очень близких друзей. Хорошо помню, как вошла в особняк, увидела крохотную девочку, еле-еле стоявшую на ножках, и восхитилась:

– Ой, какая хорошенькая! Катюша просто Дюймовочка.

Произнеся последние слова, я испугалась, что совершила бестактность. По моим подсчетам, Кате исполнилось два года и несколько месяцев. А малышка, которая вызвала у меня восторг, выглядела на год. И она агукала, никаких членораздельных слов не произносила. Вероятно, у Кати проблемы развития, и мои глупые слова про Дюймовочку ранили членов семьи.

– Это Ниночка, она младше Катюши, – рассмеялась Ольга Гавриловна, – дочь Лены, сестры Светланы, она теперь с нами живет.

Потом она понизила голос:

– Не спрашивай, Бога ради, где ее муж. Подонок бросил жену из-за любовницы. Носит же земля таких мерзавцев.

А с течением времени Лена почему-то стала говорить, что забеременела и родила Нину до того, как Света встретила

Федора. Весьма странное заявление, если учесть, что Катя старше двоюродной сестры. Сначала у меня сложилось впечатление, что Елена никогда не была замужем, дочь ее появилась на свет вследствие недолгой любовной связи уже после свадьбы Светы. Я думала, что отец малышки кто-то из многочисленных приятелей Феди, женатый мужчина. Елена не хотела прослыть дамой легкого поведения, вот и выдумала историю про раннее замужество и все остальное. Так кто отец Нины? В ее метрику вписан Николай Семенович Кожухов, бывший муж Лены. Да, да, тот самый, что изменил ей и ушел к другой бабе. Как это получилось? Пара снова сошлась? Елена простила Колю? Или у них неожиданно на время возобновились интимные отношения? Ответ опять же мне неизвестен. Когда Ниночка пошла в школу, стала задавать вопросы про папу. И ей объяснили, что он бросил маму через некоторое время после появления на свет дочери. Ушел к другой. Точка. Остальные подробности не сообщили. Что да как случилось у Лены с Николаем, известно лишь им двоим. Вероятно, полными сведениями по этому вопросу владеет Ольга Гавриловна. Но она ни с кем сию тему не обсуждает.

У Кати сейчас на глазах черные очки, она видит отца только в мрачном свете. Но на самом деле Федя добрый, сострадательный человек, он заботится о матери, жене, ее сестре и Нине. Поселил Лену с дочерью рядом и полностью их обеспечивает. Да, вы можете воскликнуть:

— Для простого человека оплата полного пансиона, гимназии, покупка дорогого автомобиля и всего прочего для сестры жены и ее ребенка — тяжкое финансовое бремя.

Но для Федора, чье состояние исчисляется цифрой с многими нулями, это ерунда. Может, это и так, но Мухин вовсе не обязан содержать Елену и Нину. И уж тем более пристраивать к своему особняку просторный коттедж для них, обувать, одевать сестру жены и ее дочь. У девочки есть родной отец, но тот никак не присутствует в жизни ребенка.

Да, Федор строг с Катей, порой перегибает палку. Работать каждое воскресенье в хосписе, на мой взгляд, — это чересчур. Понятно, что отец, весьма щедрый благотворитель, хочет воспитать у дочери сострадание, но если насильно заставлять кого-то творить добро, можно получить обратный результат. Увы, судя по беседе, которую я случайно услышала, Катя ненавидит отца. Однако она отличная актриса, до появления гувернантки Екатерина говорила, как ей тошно праздновать день рождения папы. Но едва на горизонте возникла Лариса, ее старшая воспитанница стала прыгать от радости и весьма убедительно изобразила, как ей хочется поскорей примерить платье. Агрессия Кати по отношению к отцу меня не испугала. Случается, что подростки злятся на старших, считают, что родители идиоты, ничего в жизни не понимают, заставляют их учиться, не дают им денег вволю, не покупают модную одежду. И вообще никто ее, бедную, не любит, не уважает, не понимает ее глубоких страда-

ний. Подобные эмоции с той или иной остротой переживало большинство из нас. Но основная масса подростков открыто скандалят с родителями, высказывают им в лицо все, что о них думают, хамят, потом убегают к друзьям. Часа через два грубияны вползают домой в слезах и кидаются маме-папе-бабушке на шею со словами:

– Я тебя люблю! Прости меня!

Старшему поколению надо набраться терпения, вспомнить себя, любимого, лет эдак в тринадцать и не принимать близко к сердцу несправедливые слова, которые слетают с языка обожаемого чада. Все уладится, просто возраст такой. Не надо обижаться на подростка, он подчас сам себе не рад. Но Катя-то ведет себя иначе! Она не фонтанирует негодованием в присутствии старших, наоборот, умело изображает послушную любящую дочь, отлично учится. Екатерина отъявленная лицемерка, и это пугает. Девочка ее возраста обычно закатывает скандалы с припевом:

– Никто меня не любит. Я страшная, жирная, никому не нужная!

А через полчаса меняет поведение, обнимает маму, клянется ей в вечной любви. Но Катюша ведет себя, как взрослая женщина, ради достижения своей цели она готова терпеть все унижения от близких. Вот это мне больше всего не нравится.

Глава четвертая

День рождения Федора справляли, как всегда, с размахом. В доме, который специально построили для приема гостей, в огромном зале накрыли стол. Спиртное лилось рекой, еды было немерено. Все шло по заведенному порядку. Охрана быстро утаскивала куда-то букеты и подарки. Цветы, уже в вазах, потом приносили в зал и ставили у стен. За работой помощников зорким глазом следила управляющая Майя Сергеевна Петрова, моя близкая подруга.

Майя – яркий пример того, как на грядке горя может вырасти сладкий плод успеха. Когда-то мы с Петровой работали в одном вузе. Я попала в третьесортное учебное заведение по причине отсутствия влиятельных родственников. Никто не мог замолвить за меня словечка, когда я получила диплом. Поэтому мне пришлось идти туда, куда распределили. Повезло мне лишь в одном, меня не отправили в обязательном порядке в районы Сибири или Дальнего Востока. Впрочем, мне не хотелось обучать детей французскому языку и в глухом углу Подмосковья, эдак километров за сто пятьдесят от улицы Кирова, где мы тогда жили с бабушкой. Теперь улице вернули ее прежнее название – Мясницкая. Но тут подсуетилась бабуля Афанасия Константиновна. Предприняв героические усилия, она раздобыла справку, по прочтении которой хотелось рыдать в голос от жало-

сти. В ней сообщалось, что Дарья Васильева, круглая сирота, имеет всего одну родственницу-пенсионерку, очень большую женщину. Далее шел перечень недугов бодрой и здоровой Афанасии Константиновны. Каким образом моя бабуля, которая всегда выглядела лет на пятнадцать младше своего возраста и вела себя как молодая женщина, ухитрилась получить сей документ со всеми печатями? Она вошла в кабинет доктора, поставила на стол матерчатую сумку и произнесла:

– А это вам!

В те годы про видеонаблюдение и не слышали, камер нигде не было, поэтому терапевт смело открыла торбу и увидела щедрое подношение: банку растворимого индийского кофе, палку салями, банки маринованных огурчиков, зеленого горошка, помидоров в собственном соку – все производства Венгрии. Кроме того: шпроты из Прибалтики, плавленый сыр «Виола» аж из капиталистической Финляндии, и в качестве апофеоза – мохеровый шарф из ГДР. Вот увидев все это, доктор немедленно вписала в справку о состоянии здоровья бабули все хронические болезни, о которых узнала во время учебы. К справке прилагалось мое заявление, в котором я просила распределить меня куда угодно в столице, потому что, если я уеду куда Макар телят не гонял, то Афанасия Константиновна умрет от голода, поскольку я ее единственная кормилица. Если учесть, что тогда бабуля нелегально работала в трех местах, а Дашенька-балбеска получала только стипендию, которую с энтузиазмом тратила на себя,

любимую, то становится понятно – заявление, представленное студенткой пятого курса Васильевой в деканат, являлось наглой ложью. Но оно вкупе со справкой сработало. Я осталась в Москве и получила направление в самый убогий вуз столицы.

Вступительные экзамены у нас начинались тогда, когда они везде уже завершались. Кто поступал туда, где я прослужила не один год? А те, кто «провалился» в МГУ, иняз и другие престижные вузы.

На кафедре я познакомилась с Майей, которая оказалась старше меня на два года. Разница в возрасте была не заметна, нас отдаляло друг от друга социальное положение. У Майи были богатые родители, которые души не чаяли в дочке. Почему папа-генерал не смог устроить дочь в престижный вуз? В течение года после получения диплома Майя шесть раз меняла место работы, нигде более месяца-полутора она не задерживалась. Почему? Майя не понимала, как это – приехать на работу к десяти. Это ж надо встать в восемь! Ужас! Подняться в несусветную рань? Ради чего? Зарплаты? Ржавые копейки! Папа и мама всегда дадут ей столько денег, сколько она пожелает! Сидеть по шесть-семь часов на кафедре тоскливо. Студенты тупые. А коллеги плохо одеты, они мерзко пахнут! И в буфете фууу! А в туалет лучше не заглядывать.

Когда я устроилась педагогом в вуз, Майя там работала две недели. Она окинула меня оценивающим взглядом, отвернулась и постаралась общаться со мной как можно реже.

Спустя некоторое время она исчезла примерно на месяц, затем вернулась. Конечно же, окружающие мигом узнали правду о том, что генерал не оформлял брак с матерью Майи. У него была законная супруга, которая ему заявила:

– Живи с кем и где хочешь. Развода тебе я не дам.

Отец Майи более тридцати лет состоял в гражданском союзе с ее матерью. Почему он не оформил отношения как положено? Вопрос не ко мне. Наверное, генерал и подумать не мог, что после его неожиданной смерти в кооперативной квартире, которую он купил, появится законная жена и начнет выгонять Анну Ивановну с дочерью. Гражданская супруга решила, что у нее нет никаких прав на имущество, и ударилась в панику. Ей бы не рыдать, а нанять адвоката. Но вдова, которая много лет просидела за спиной супруга, не умела решать проблемы, она поступила иначе: дождалась отъезда Майи на работу и выбросилась из окна. Со дня похорон отца не прошло и недели, когда Петрова потеряла и мать.

Месяца через три после всех этих событий я ушла с работы часов в восемь, добежала до метро, стала рыться в сумке в поисках кошелька и чуть не зарыдала. Он остался в рабочем столе. Делать нечего, я побежала в институт и обнаружила на кафедре на диване... Майю. Мое удивление зашкалило за все пределы, я спросила:

– Почему ты не идешь домой?

Петрова разрыдалась, призналась, что законная супруга отца выкинула ее из родительского дома, разрешила взять

только самое необходимое. Денег у Майи нет, жить ей негде.

Я привела ее к себе. Моя подруга Наташа тогда уже вышла замуж за француза и улетела в Париж². Комната, где она жила, пустовала, мы прожили с Майей вместе около года, потом она нанялась домработницей с проживанием в богатый дом к известному режиссеру и его жене-актрисе.

Я отговаривала подругу.

– У тебя высшее образование. Лучше поищи место преподавателя в другом вузе.

– Нет, меня тошнит от студентов, вбивать в чужие головы знания – это не мое, – отрезала та, – хозяйева положили мне большой оклад. Жить буду отдельно. Над гаражом у них есть квартира для прислуги. Педагог из меня, как из тебя физик-ядерщик, коллеги меня бесят. Хочу кардинально изменить свою жизнь.

И Майе это удалось. Лет через пять ее переманила к себе семья богатого композитора. На удивление, у Петровой обнаружился талант к ведению домашнего хозяйства. Она научилась великолепно готовить. Со временем Майя открыла одно из первых агентств по найму прислуги и преуспела. Сама она теперь соглашается работать на кого-нибудь исключительно за громадные деньги, но Майя полностью их оправдывает. Петрова приезжает на работу к шести утра, уезжает поздно вечером, набирает штат горничных, наводит везде порядок, подыскивает грамотного управляющего и уxo-

² Эта история рассказана в книге «Крутые наследники».

дит, но никогда не бросает тех, у кого служила. Когда у ее бывших хозяев случается некое масштабное событие, например, наплыв орды гостей, Майя тут как тут, твердой рукой рулит всеми делами. Федор был одним из ее первых клиентов, и на всех днях рождения Мухина командует прислугой Майя. Она замужем, ее супруг тихий, молчаливый профессор, в семье двое детей.

Однажды, лет пять назад, Майя сказала мне:

– Как это ни ужасно звучит, но то, что я потеряла почти одновременно обоих родителей, пошло мне во благо. Проживи мама и папа подольше, их избалованная дочурка могла бы элементарно спиться. Ничего, кроме вечеринок, меня тогда не интересовало.

Майя – пример того, что непрестижной работы не существует, на любом поприще можно добиться успеха, стать незаменимым, прекрасно зарабатывать.

Я стала наблюдать за окружающими. Народу в зале слегка поубавилось, не все дождались вывоза роскошного многоярусного торта и подачи других десертов. Но все равно людей было много. На сцене надрывался какой-то певец, на танцполе плясали те, у кого хватало на это сил. Нины и Кати я не видела, возможно, девочек отправили спать. Елена и Света сидели за столом и мирно беседовали, старшая сестра ела мороженое, младшая ничем не лакобилась. К ним подошла Ольга Гавриловна, она держала в руке тарелку с огромным куском бисквита. Мать именинника поста-

вила торт перед Леной и заговорила, размахивая руками. Я не слышала слов, но по жестикуляции матери Федора поняла, что она предлагает Лене угоститься. Та вежливо улыбалась, но, похоже, не испытывала ни малейшего желания даже посмотреть на торт. Ольга продолжала настаивать. Лена взяла ложку, отковырнула кусочек и начала жевать, в какой-то момент она перехватила мой взгляд и что-то произнесла. Пожилая дама обернулась, я помахала ей рукой, Ольга Гавриловна направилась в мою сторону. Лена, прижав руки к груди, мне кивала. Она определенно хотела, чтобы я задержала свекровь Светланы.

– Как тебе торт? – спросила Ольга Гавриловна, садясь напротив меня.

– Ничего вкуснее не ела, – соврала я, не собираясь даже приближаться к десерту.

Не люблю жирный крем, кокосовую стружку, шоколадный соус, цветы из мастики и все прочее, из чего состряпан сей шедевр.

Старшая Мухина похвасталась:

– Я сама его заказывала. Дизайн, начинка, коржи – все придумано мной.

– Гениально, – восхитилась я, наблюдая, как за спиной Ольги разыгрывается спектакль под названием «Куда деть тортик?». Лена пыталась подозвать кого-нибудь из официантов, но те, как назло, все были заняты.

– Елене он не понравился, – вздохнула Ольга Гаврилов-

на, – еле-еле уговорила ее попробовать. Обидно, ей-богу!

Лена тем временем озиралась по сторонам, она явно хотела деть куда-то здоровенный ломоть, но не знала, где его спрятать. Светлана доела мороженое, выхватила у сестры тарелку, отрезала от здоровенного куска треть и стала лакомиться. Младшенькая взяла со стола салфетку и принялась ею обмахиваться.

– Я старалась, – жаловалась тем временем старшая Мухина, – хотела всем угодить. А Елена такие глаза сделала при виде вкуснейшего авторского десерта, что можно подумать, будто я ей незнамо что принесла.

Ольга Гавриловна продолжала сетовать на поведение Лены. Света отодвинула от себя пустую тарелку. Елена взяла ее и показала мне. Я быстро произнесла:

– Лене понравился торт, просто она очень медленно ест. Она в восторге.

Ольга обернулась, младшая сестра продемонстрировала ей пустую тарелку и подняла большой палец правой руки.

Ольга Гавриловна, забыв обо мне, поспешила к сестрам. Я засмеялась. Матери Феди не скажут, что торт слопала Света, любительница сладкого. И тут раздался радостный визг:

– Вау! Смотрите, кто на сцене!

Я повернула голову и увидела известного американского певца. Народ ринулся к эстраде.

– С днем рождения тебя, – запел кумир миллионов, – Федя! Иди сюды!

Все засмеялись, именинник поднялся на подмости, американец обнял его и вновь заговорил на ломаном русском:

– Тавайте влезте зпаем!

– С днем рождения тебя, – завопили все присутствующие.

Певец заплодировал и стал исполнять один из своих хитов, за ним последовал второй, третий. Заокеанский гость честно отработывал свой гонорар. Минут через двадцать я увидела, как Лена ведет к выходу Светлану. Похоже, старшая сестра очень устала или у нее от шума началась мигрень. Жена Феди передвигалась медленно, пошатываясь. Когда женщины добрались до двери, их остановил Федор. О чем говорила троица, я не слышала. Хотя, судя по выражению лица именинника, тот был не рад желанию Светы сбежать с вечеринки. Но сестры все-таки ушли. А ко мне под села секретарь Феди, и минут десять мы болтали о ерунде. В процессе разговора я видела, как Лена вернулась одна в зал, подошла к стройному мужчине, что-то ему сказала, а потом они вместе быстро ушли.

Певец завершил выступление и стал снимать селфи со всеми желающими. В тот момент, когда я, поддавшись общему ажиотажу, тоже решила подойти к кумиру с телефоном, чья-то рука опустилась мне на плечо, я обернулась и увидела Майю.

– Где Дегтярев? – с улыбкой на лице осведомилась она.

Но я слишком хорошо знаю Петрову, чтобы обмануться ее веселым видом.

– Что случилось?

– Мне нужен Александр Михайлович, – сказала подруга, не меняя выражения лица, – просто необходим. Звоню ему, а он не отвечает.

– Шумно здесь, не слышит, – ответила я и повторила: – Что случилось? Пять минут назад я видела, как Лена говорила с Невзоровым, потом они с доктором ушли. Теперь тебе нужен полковник.

– Найди его, – по-прежнему улыбаясь, попросила Майя, – и идите в большой дом, я встречу вас в холле.

Глава пятая

– Точно сказать не могу, но предполагаю, что это отравление, – произнес врач, отходя от дивана, на котором лежала Светлана.

Я попятилась.

– Жена Феди умерла? Вы уверены?

– Она не дышит, похоже, скончалась, – кивнул Невзоров, – искусственное дыхание не помогло, лекарства принесли из моей машины, но было уже поздно. Вон там бутылка и стакан. Думаю, их надо отправить на экспертизу.

Дегтярев вынул телефон.

– Володя, это я. Сейчас пришлю адрес. Бизнесмен Федор Мухин. Да, именно он. В доме тьма гостей, празднуют день рождения хозяина. Его жена только что умерла. Невзоров предполагает отравление. Да, он тоже здесь. Кто ее нашел?

Майя подняла руку.

– Мы с Леной. Светлана мне позвонила, я ответила. Она молчала, ну я и побежала ее искать. А тут Лена вышла из ванной...

– Петрова и ее сестра, – уточнил в трубку Дегтярев, – ну да, все те же. Секунду.

Александр Михайлович отдал телефон Майе и сказал:

– Объясни, как незаметно попасть на территорию.

Моя подруга рассказала, как добраться до ворот, через ко-

которые въезжают машины прислуги и рабочих, которые привозят в имение необходимые вещи или занимаются ремонтом.

– Что делать? – растерялась я, когда Дегтярев спрятал трубку в карман.

– Не знаю, – прошептала Петрова и подошла к дивану. Тут открылась дверь, и со словами:

– Света, куда ты подевалась? – появился Федя.

Я набросила на тело хозяйки плед, висевший на подлокотнике.

– Что здесь происходит? – спросил Мухин.

– Э... э... – забормотала я, – ну... ну...

– Федя, только не волнуйся, – произнес самую глупую фразу на свете Невзоров.

Хозяин приблизился к дивану, сдернул шерстяное одеяло и замер.

– Она жива! – закричала Майя, стоявшая в изголовье. – Жива!

– Пожалуйста, не надо, – прошептала я.

Петрова показала пальцем на лицо покойницы.

– Глаза открыты.

Доктор обнял Майю.

– Если человек умер, он не может сам их закрыть.

Петрова вывернулась из рук врача.

– Зрачок шевелится.

– В смысле сужается? – уточнил Невзоров, потом достал

телефон, включил фонарик и направил луч в лицо Светланы.

– Так. Сейчас, – воскликнул он, открыл свой чемоданчик, вскрыл ампулу и набрал в шприц лекарство.

Минут через пять доктор взял телефон.

– Костя, срочно вышли по адресу, который я сброшу, «Скорую» с капсулой. Немедленно.

Мы молча смотрели на Невзорова, а тот уже вытащил из своих запасов пластиковый пакет с раствором.

Прошло, наверное, минут десять.

– Она жива? – осторожно уточнила я после того, как капельница опустела на треть.

– Пока да, – кивнул Невзоров, – не знаю, что случилось. Когда я осматривал Свету, она не дышала, зрачок не реагировал, я в шоке. Такое состояние, когда человек вроде умер, а потом ожил, бывает крайне редко, и, как правило, оно свидетельствует об отравлении.

Федор взял жену за руку.

– Кому понадобилось убивать Свету? Она просто моя жена. Саша, ты кого вызвал?

– Владимира Шкафина, – ответил полковник, – я думал... ну...

– ...Что Светлана умерла, – договорил за толстяка Федор. – Шкафин надежный мужик?

Полковник кивнул.

– В каких вы отношениях? – не утихал бизнесмен.

– Володя мой ученик, – пояснил Дегтярев, – мы не один

год вместе проработали. Теперь просто друзья.

– Отлично, набери его номер и дай мне телефон, – попросил Мухин.

Спустя некоторое время Светлану положили на овальные носилки, их вдвинули в прозрачную штуку, похожую на стеклянную банку, в ней находились какие-то трубки, датчики. Две женщины молча поставили Светлане очередную капельницу, потом опустили прозрачную крышку. «Скорая помощь», шурша колесами, уехала с заднего двора. За ней ринулся роскошный джип Федора, следом полетела не менее шикарная иномарка доктора Невзорова.

Володя Шкафин, я, Дегтярев и Майя остались на улице.

Первой опомнилась Петрова.

– Идите в дом, поешьте. Сейчас сообщу гостям то, что велел Федор Петрович.

– Сомнительно, что у кого-то сохранился аппетит, – проворчала я, – меня тошнит при одной мысли о еде.

– А я вполне могу перекусить, – заявил Володя.

– Нельзя, чтобы у гостей возникли хоть какие-то подозрения, – прогудел Дегтярев, – нам нужно вернуться в зал и изображать веселье.

Наша компания направилась в дом для приемов, а там не очень трезвые гости плясали, кто как умел. Вскоре на сцену поднялся ведущий, известный российский артист, и весело закричал:

– Праздник продолжается! Но уже без именинника и его

жены, они уехали в отель, где сняли номер для новобрачных! Да, сегодня не свадьба, но любовь вечна! А мы сейчас увидим... О-о-о! К нам прилетела...

Когда ведущий объявил имя всемирно известной певицы, гости заулюлюкали, закричали, зааплодировали и расселись по местам. Мы устроились за своим столом, к нам присоединились Володя, который мигом стал накладывать себе на тарелку деликатесы, и еще несколько знакомых.

Вскоре подошла Лена, за ней тенью двигалась Майя.

– Вот же хитрец, – засмеялась свояченица, – никому ни словом не намекнул, что решил увезти Свету в отель. На Федю это мало похоже, он не из тех, кто устраивает сюрпризы! Я считала его немного сухарем. И вдруг такой поворот! И о том, что пригласил аж двух таких звезд, промолчал. Рассказал только про одну!

– Иногда мужчина открывается с неизвестной стороны, – поддержала я светскую беседу.

– Мам! – закричала Нина, подбегая к столу. – Мам!

– Что тебе? – спросила Елена.

– Где тетя Света? – спросила дочь.

– Они с дядей Федей уехали, – ответила мать.

– Куда? – изумилась Нина. – Не захотели слушать концерт?

– У них романтическое свидание в отеле, – объяснила Елена.

– Ну-у-у, – обиженно надулась Нина. – Ну-у-у! Ваше!

Блин!

– Сто раз предупреждала тебя о недопустимости употребления некоторых слов, – нахмурилась Лена. – Зачем тебе теть Света понадобилась?

Нина показала пальцем на сцену, где азартно плясал полуголый балет поп-дивы.

– Тетя Света нам с Катькой по секрету рассказала, кого пригласили. И пообещала фото со всеми селебрити. Я хотела в «Инстаграме» их выставить. А теперь она уехала! Обманула! У нас только селфи с певцом есть. А с американкой нет! – Нина шмыгнула носом. – Им что, с дядей Федей дома потрахаться никак? В отеле только можно?

Лицо Елены покрылось красными пятнами.

– Нина!!!

– Чего? – заныла дочь. – Наврала нам и смоталась!

Глаза матери сузились, выражение ее лица стало зловещим. Майя взяла девочку за руку.

– Если Светлана Ивановна пообещала, значит, снимки с вами внесены в договоры артистов. Пошли.

– Куда? – спросила Нина.

– К импресарио, – пояснила Майя, – сейчас я все улажу.

– А если у них в договоре ничего нет про селфи? – заныла Нина, глядя на сцену.

– Пошли, – велела Петрова, – я решу эту проблему.

Глава шестая

На следующий день в районе полудня я стояла в магазине у полок с хлебопечками.

– Что желаете? – спросил парень в форменной футболке.

Я показала на прибор.

– У нас такая сломалась.

– Отлично, – потер руки продавец, – прямо супер.

Мне стало смешно.

– Не разделяю вашего ликования, теперь надо приобрести новую.

– Мой восторг относится не к вашей беде, – опомнился продавец, – просто я рад сказать, что данная модификация давно устарела. Появилось много новых с большим количеством функций. Вот, например... телефон звонит!

– Мобильный у меня есть, давайте поговорим о хлебопечках, – попросила я.

– Сотовый вопит, – уточнил консультант, – у вас в сумке!

Я вытащила трубку, увидела, что на экране определился номер Гарика, и отключила звук. Хватит того, что он поселился у нас, похоже, навсегда. Болтать с ним я не собираюсь. Лишив телефон голоса, я опять обратилась к продавцу:

– Если модель снята с производства, то почему она представлена в зале?

– Остался последний демонстрационный образец, – пояс-

нил юноша, – продадим его, и конец!

Я посмотрела на бейджик на футболке консультанта.

– Николай, я возьму эту хлебопечку!

Торговец поднял брови.

– Из зала?

– Да, – подтвердила я, – на ценнике указано – сорок процентов скидки.

Юноша оглядел меня с головы до пят.

– Чегой-то вы на нищую не похожи!

– Мне нужна именно эта хлебопечка, – повторила я.

Николай закатил глаза.

– Женщина, она идет по скидке.

– Прекрасно, – парировала я, – люблю, когда цену снижают.

– Лучше спросите, почему ее срезали, – затараторил консультант, – объясняю! Она в торговом зале сто лет стоит. Ее все лапали грязными руками, крышку открывали-закрывали, включали-выключали. Емкость для выпечки хлеба исцарапана. Хотите домой заразу принести? Холеру? Оспу? Туберкулез? Мы у тех, кто товар ощупывает, санитарные книжки не спрашиваем! Купите лучше новую модель!

Я посмотрела туда, куда указывал Николай, и удивилась.

– Выглядит точь-в-точь как та, что мне нужна, но стоит в пять раз дороже.

– Объясняю! – возбудился продавец. – Перед вами супер-модель, она делает пельмени, манты, кексы, куличи, варит

варенье, печет двадцать восемь видов хлеба. Во время работы анекдоты рассказывает.

Я еще раз посмотрела на ценник. Если у вас большая семья, да еще если к ней прибавился противный родственник со стороны мужа, если все обитатели вашего дома болтливы до умопомрачения, если у вас есть маленькая внучка, которая издает разные звуки, если по дому бродит разнокалиберная стая собак, одна из которых, пуделиха, ослабла слухом, и поэтому людям надо до нее докрикиваться, если по вашему дому летает болтливый ворон, который ни к селу ни к городу изрекает афоризмы, короче, если ваша семья такая, как моя, то хлебопечку, которая рассказывает анекдоты, вам захочется вышвырнуть из окна второго этажа вслед за телевизором и мобильными. Любым электроприборам в таком доме, включая утюг, полагается работать тихо, даже шуршать нельзя.

Я выдохнула и спросила:

– Анекдоты? Их я сама могу рассказать. И как хлебопечка может стряпать пельмени? Где она тесто раскатывает? Как вырезает кружочки? Фарш кладет и защипывает?

Юноша засмеялся.

– Ой, некоторые покупатели такие забавные! Вы в контейнер кладете уже слепленные вами пельмешки!

– Зачем? – не сообразила я.

– Хлебопечка их приготовит, – растолковал Николай. – У вас телефон звонит.

Я полезла в сумку. Зачем варить что-то в приборе, который должен печь хлеб? Поставила на огонь кастрюлю с водой – и нет проблем. И почему сотовый верещит? Я недавно отключила звук. Я вынула трубку и поняла, что не сдвинула рычажок до конца. Сейчас меня разыскивает не Гарик, а кто-то из членов семьи, на экране определился не мобильный номер любимого сына бабушки Феликса, а домашний.

– Алло! – ответила я и услышала голос Гарика.

– Так и знал, что ты не хочешь со мной разговаривать.

Некоторые люди посланы нам для воспитания терпения. Я постаралась говорить как можно любезнее:

– Странно, что тебе такая мысль пришла в голову.

Гарик мигом ринулся в атаку:

– Странно, что ты не отвечаешь на вызов моего мобильного, но тут же отзываешься на домашний!

– Я хожу по магазину, наверное, не слышала твоего звонка, – соврала я.

– А этот прямо в уши воткнулся! – заржал Гарик.

Я решила побыстрее завершить беседу.

– Что тебе надо?

– Сейчас подробно сообщу, – пообещал Гарик, – слушай внимательно, не перебивай.

Я засунула телефон в карман и обратилась к продавцу:

– Беру прибор по скидке. И...

– У вас телефон говорит, – остановил меня парень.

– Знаю, – отмахнулась я, – выписывайте хлебопечку.

– Грязную? – уточнил продавец. – Заразную? С туберкулезом?

– Ничего, я его вылечу, – парировала я. – Где касса?

– Прямо по центру, – процедил продавец, – сейчас выпишу.

– Бу-бу-бу, – неслось из моего кармана.

Под звуковое сопровождение я дошла до кассы.

– Девушка, у вас, наверное, телефон в кармане включился, не заблокировали, – сказал мужчина лет сорока, взяв чек. – Хлебопечка. Ага! Вы в курсе, что прибор со стенда нельзя обменять?

– Может, вы передумаете? – вкрадчиво пропел за моей спиной знакомый голос, и через секунду передо мной вырос Николай.

– Нет! – решительно ответила я.

– Бу-бу-бу-бу, – неслось из моей парки.

– Советую приобрести гарантию на пять лет, – предложил сорокалетний мужик, – изготовитель предоставляет только шесть месяцев бесплатного ремонта. Пять лет намного лучше!

– Сколько стоит сие удовольствие? – поинтересовалась я. Собеседник показал на держатель с табличкой.

– Читайте.

Сумма показалась мне небольшой, мужик за прилавком это понял и обрадовался.

– Оформляем пятилетку?

Я махнула рукой.

– Давайте!

– Сейчас анкету заполню, – пообещал торговец. – Оплата картой?

– Бу-бу-бу, – вещал телефон, – бу-бу! Все! Можно?

Я поняла, что Гарик наконец-то завершил рассказ, вытащила мобильный и спросила:

– Можно что?

– Так я же объяснил подробно, – рассердился Гарик. – Можно?

– Оплата картой? – повторил продавец.

– Да, – сказала я, – да!

– О-о-о! Не ожидал, – заликовал Гарик, – ты сегодня так добра, что аж страшно.

Я сообразила, что не любимый мною родственник принял «да», которое я адресовала продавцу, за ответ на свой вопрос, и воскликнула:

– Стой!

Но Гарик уже отсоединился. Я быстро набрала его мобильный номер.

– Абонент находится вне зоны действия сети, – ответил вежливый голос.

Я позвонила на домашний телефон, но там тоже никто не спешил ответить.

– Ваша хлебопечка с гарантией на пять лет, – объявил мужик за прилавком. – Оформить доставку?

– Спасибо, сама унесу, – вздохнула я, гадая, на что Гарик испрашивал разрешение.

– Приходите к нам еще, – сказал торговец, – в награду вам полагается книга сковородок.

Я взяла протянутый блокнот размером чуть больше пуд-реницы и удивилась:

– Что такое книга сковородок?

Мужик охотно пустился в объяснения:

– Открываем. Видите пустые квадратики?

Я кивнула.

– Каждый раз, совершая покупку в нашем магазине, не забывайте показывать подарок на кассе, – сказал консультант, – получите марку. Ее цена зависит от стоимости приобретенного товара. Сегодня вы могли бы получить самую маленькую. Ее хватит... ну... на ручку от сковородки. Но в день выдачи книги наклейка вам не положена.

А теперь скажите, по какой причине я решила найти каплю разума в море абсурда.

– Кому нужна ручка от сковородки?

– Точно! Вы умница, – похвалил меня торговец, – через недельку посетите наш прекрасный торговый центр, купите холодильник! И вам – бабах! Получите аж пять дорогих марок и... Что дальше?

– Не знаю, – вздохнула я.

– Своими руками я выдам вам бесплатно замечательную яичницу, – сказал собеседник.

Он нырнул под прилавок, высунулся оттуда и спросил:
– Показать яичницу?

Продавец явно хотел угодить мне, поэтому я ответила:
– Конечно!

Мужик выпрямился и поставил на прилавок крохотную сковородку.

– Вот!

– А где яичница? – спросила я.

– Перед вами! – ответил продавец. – Сковорода для одного яйца.

– А-а-а, – протянула я.

– С нее начинается супергигантский набор сковородок, – потер руки мужик, – всего их в комплекте сорок две, одна другой больше и лучше.

– Если за хлебопечку дают такую крошечную марку, что ее хватит только на ручку от мини-сковородки, то что нужно приобрести, чтобы стать обладателем полного набора? – пробормотала я.

– Главное – начать, – оптимистично воскликнул продавец, – жизнь длинная, успеете накопить марки. Ну, учитывая ваш возраст, пусть не на большой, но на малый наборчик точно!

На секунду я онемела, потом ушла, прижимая к себе покупку с туберкулезом. Вообще-то я не собираюсь умирать, мне до пенсии еще далеко.

Глава седьмая

– Где тебя носило? – возмутился Дегтярев, выходя из дома.

– Хлебопечку покупала, – объяснила я.

– Зачем она нам? – спросил полковник.

Отличный вопрос.

– Чтобы готовить дома хлеб, – ответила я.

– Странные идеи залетают в твою голову, – зашумел толстяк, – в магазинах хлеба есть не хочу. Идиотская затея с самопечением.

– Так мы уже больше года едим то, что дома испекли, – уточнила я, – самой...

– Вот почему у нас отвратительные булки, – перебил меня полковник, – клеклые, несъедобные. Ты вообще не умеешь готовить, тебе не стоит даже думать о карьере пекаря.

– Я прекрасно знаю, что повар из меня никакой, поэтому не приближаюсь к плите, – с грустным видом согласилась я, – ладно, скажу Марине, что тебе ее хлебушек не по вкусу.

Полковник насупился.

– При чем тут она?

Я улыбнулась и нанесла толстяку смертельный удар.

– Отлично зная собственную косорукость, я никогда не стану возиться с тестом. Идея не покупать в магазине хлеб принадлежит Маришке. Сейчас объясню ей, что тебе ее ини-

циатива не нравится. Что ты не хочешь есть нечто клейкое...

Александр Михайлович занервничал:

– Я не говорил такого!

– Минуту назад сказал, – не дрогнула я, – Марина расстроится, конечно.

И тут, как по заказу, из дома вышла жена полковника.

– Хорошо, что ты здесь! – обрадовалась я.

– Не верь ей! – закричал толстяк. – Дарья, как обычно, не расслышала, неправильно меня поняла. Я молчал. Она сама глупость лягнула, а потом на меня стрелку перевела. Ты печешь прекрасный хлеб! Вкуснее его я в жизни ничего не ел! Ароматный! Мягкий!

Я стояла, опустив глаза. Много лет назад, чтобы улучшить свои жилищные условия, полковник и Марина, просто добрые друзья, заключили фиктивный брак. Афера удалась, они обрели прекрасную просторную трехку, потом разменяли ее и разбежались по своим однушкам. Долгие годы Марина и полковник не встречались. Почему они не развелись? Да времени не было. И зачем? Никто из них не собирался вступать в брак. Потом случилась неприятная история, Марине пришлось отыскать Дегтярева, и, поскольку жить ей было негде, она поселилась у нас в домике для гостей. На первом этаже там расположен офис детективного агентства, которым руководит полковник, второй отдан Марине. Члены семьи рады, что супруга полковника теперь с нами. В доме все любят вкусно поесть, а Марина замечательно готовит, ве-

дет кулинарный блог в «Инстаграме», у нее тьма подписчиков.

– Приятно слышать, как ты батончики хвалишь, – улыбнулась Марина. – Нина! Нина!

Из окна дома выглянула няня, а заодно и домработница.

– Ты меня зовешь?

– Александр Михайлович в восторге от хлеба! – сообщила Марина.

– Спасибо, спасибо, – зачастила Нина, – я счастлива.

Александр Михайлович потряс головой.

– О, женщины! Странные и непонятные! Почему ты меня благодаришь?

– Ну, как же! – засуетилась Нина. – Если человек тебя хвалит, надо ему показать, что тебе приятно похвалы слышать.

– Ты-то при чем? – никак не мог сообразить полковник. – Я говорил Марине, что мне очень нравятся батоны, которые она печет.

– Твои дифирамбы попали не по адресу, – хихикнула фиктивная супруга, – хлеб печет Нина. И он у нее замечательный получается!

– Дарья сказала, что пекарь ты! – обомлел толстяк.

Я замахала руками.

– Нет, нет. Ты сам так решил! Я сказала: «Идея не покупать хлеб в магазине принадлежит Марине». Идея! Но не ее исполнение.

– Какая разница, кто хлеб выпек? – удивилась наша кули-

нарка. – Главное, что он вкусный.

– Угу, – пробормотал полковник.

На дорожке, которая ведет от гостевого коттеджа к особняку, показался Кузя.

– Вы где? – закричал он. – Мухин приехал.

– Дарья, двигайся, – ледяным тоном скомандовал полковник, – как только ты во что-то вмешаешься, ерунда получается.

Я, посмеиваясь, пошла за Дегтяревым. В офисе были Семен, эксперт Леня, Федор и Кузя.

Дегтярев повеселел.

– Всем добрый день! Что случилось?

– Света жива, – сообщил Мухин, – вернее, она дышит, открывает глаза, но не говорит. Слышит нас. Я попросил ее моргнуть один раз, если она понимает, что я обращаюсь к ней. Она моргнула, но потом сразу заснула, такая слабая. Жену отравили.

– Кто? – изумилась я.

– Замечательный вопрос, – фыркнул полковник. – Знай Федор правильный ответ, он бы к нам не приехал.

Я стала оправдываться:

– Я просто удивилась. У Светы есть враги?

Федор посмотрел в окно.

– Лично у нее? Сомневаюсь. Ты прекрасно знаешь, моя жена тихая, не скандальная. В соцсетях у Светы только «Инстаграм», там, правда, контакты с разными людьми, но близ-

ких подруг, кроме тебя и Лены, у нее нет.

– Странно, что к твоей жене не проявила интереса прес-са, – удивился Кузя, – обычно папарацци не пропускают сай-ты жен крупных бизнесменов.

– У Светы закрытый профиль, – пояснил Федор, – все, кто напоминает борзописцев, отсеиваются. И вообще она не до-пускает на сайт незнакомых, у нее в друзьях числятся только те, с кем она общалась пусть шапочно, но видела человека воочию.

– И правильно, – одобрил Семен. – Зачем свою жизнь вы-ставлять напоказ?

– Чем ее отравили? – спросила я.

– Одно средство старое, как египетские пирамиды, второе недавно в продаже, – уточнил Федя, – врач объяснил, что эти лекарства можно купить в аптеке. Если их там нет, то в ин-тернете есть. Ничего редкого, кармиопатинд³ и еще проза-кис, антидепрессант. Вроде так. Она приняла большую дозу.

– Он выдается по рецепту, – уточнил Сеня, – так его не купишь.

– Не смейся, – остановил Собачкина Дегтярев, – если деньгами пошуршать, тебе что угодно продадут. Светлана принимала какие-нибудь препараты?

– Нет, – без тени сомнения ответил Федор, – она вообще не увлекается лекарствами. Один раз ей прописали антибио-

³ Подобных препаратов не существует. Есть лекарства с аналогичным действи-ем. Автор из этических соображений не дает их названия.

тики, так я еле уговорил жену их принимать. Вот Елена, та мигом за таблетки хватается. Если голова у жены болит, она чай пьет зеленый. А когда у ее сестры виски ломит, та забрасывается колесами по полной программе, фанатка самолечения!

– Тогда очень странно, что Светлана выпила много... э... э... – протянула я. – Может... э... э...

– Спрашивай, не стесняйся, – нахмурился Федор, – хотя я понял, что ты имеешь в виду. Не имел ли место суицид?

– Вроде того, – кивнула я.

Глава восьмая

Мухин прищурился.

– Когда вы в последний раз с ней виделись?

– На твоём дне рождения, вчера, – напомнила я.

– Света походила на бабу, которая решила свести счеты с жизнью? – спросил Федор.

– Нет, – вздохнула я.

– Тогда к чему твой вопрос? – рассердился Дегтярев.

– Анюта Егорова за час до того, как прыгнула с крыши, весело отплясывала на своей свадьбе, – подбросил дров в огонь Сеня. – Даша правильно спросила. Человек может тщательно скрывать свое психическое состояние. Подчас самые близкие не знают, с какими демонами жена или муж сражаются.

– Егорова состояла на учете в психоневрологическом диспансере, – уточнил Дегтярев, – она испытывала патологическую страсть к Виктору Нерину, известному спортсмену. Брак они на самом деле не оформляли, разыграли спектакль, Анюта не соглашалась лечь в клинику. Ее мать это затеяла, чтобы дочку в психушку упечь. Она гостей созвала, ресторан сняла, типа сейчас погуляем и поедем в загс, там жених ждет, дочь ей поверила. А потом, когда из подъезда вышла, увидела, что среди машин стоит «Скорая помощь», поняла: ее обдурили и отправят в психушку, Нерин и не собирался

ее в жены брать. Ну и сказала, что ей в туалет нужно, а сама поднялась на чердак и прыгнула. Хорошо, что жива осталась, здание одноэтажное, только руку сломала. Мамаша своего добила, поместили Анюту в поднадзорную палату. В том деле съехавшая крыша была у каждого участника. У тебя есть любовница?

Федор взял со стола бутылку воды и стал откручивать пробку.

– Если вопрос задан мне, то алаверды тебе. Подскажи, где время взять на танцы-шманцы-обжиманцы? И зачем заводить лишнюю бабу? Что у нее будет необычного? Чего я еще не видел? Чего не знаю? Если меня потянет на свежати-ну, то можно кое-кому позвонить, сбросят на почту каталог кисок-миссок! Заплатил, и адью! На хрена мне постоянные отношения? Мне что, жить скучно? Хочется драйва? Драки с истерикой? Не мой это формат. И если мне придет в голову налево зарулить, никто и не догадается об этом. Светка не сама таблеток наглоталась. Ей их в рот запихнули.

Собачкин оторвался от ноутбука.

– В больнице, куда поместили Светлану, отметили: следов насильственного приема препаратов не найдено. Лицо чистое, нет ссадин на губах, синяков на щеках, подбородке, зубы целы, язык в порядке. Она сама лекарство приняла. Следов от уколов тоже не обнаружили. И вообще ничего подозрительного нет.

Сеня повернул к нам компьютер.

– Володя сделал фото ее спальни, сбросил мне. Полный порядок. Нет и намека на бурное выяснение отношений. Вещи на местах, платье на Светлане не разорвано, предположительно, она просто легла на диван, потому что ощутила слабость. На тумбочке лампа, планшетник, ваза с цветами, пустая бутылка из-под минералки, пробка.

Я подняла руку.

– Есть два вопроса.

– Спрашивай, – разрешил Дегтярев.

– У Светы вроде не было причин для добровольного ухода из жизни, – начала я. – Федя, ты жене выдавал на расходы фиксированную сумму?

– Хозяйство ведет мама, – ответил Мухин, – она кремень, лишней копейки не потратит. Деньги у нее точно посчитаны. Зарплата прислуги, коммунальные расходы и всякая трень-брень, вроде сантехника... Если интересно, пообщайся с мамой, она тебе с удовольствием расскажет о расходах и как их до минимума урезать, мамуля – ас в плане разумной экономии. Я не вмешиваюсь, банк ежемесячно перечисляет деньги на карту, если матери не хватает, она мне говорит и получает еще.

– Я имела в виду личные траты твоей супруги, – уточнила я.

– Может ли Света купить себе очередную шубу? – усмехнулся Федор. – Легко. И не одну.

– А как она относилась к тому, что ты заботился еще

о Елене и Нине? – поинтересовался Собачкин. – Может, ревновала?

Федор усмехнулся.

– Они с сестрой ближе некуда, Лене не повезло, ей попался урод, бросил ее и ребенка. Мы одна семья. Какая ревность?

Я опять подняла руку.

– Лекарства, которые приняла Света, они были в виде капель?

– Таблетки, – ответил Кузя.

Дегтярев не упустил возможности сделать мне замечание:

– Странные у тебя вопросы.

Я решила не реагировать.

– Где пустые блистеры?

Стало тихо. Федор схватил телефон.

– Майя, это я. До того как я вошел вчера в спальню Светы, туда заглядывала прислуга?

Мухин включил громкую связь, поэтому Петрову слышали все.

– Нет. Уборка помещений проводится каждый день в отсутствие хозяев. По правилам никто из горничных не имеет права входить на территорию владельцев особняка, если те дома. Приходят только по вызову. Светлана Ивановна...

– Хорош ее по отчеству называть, – рассердился Федор, – мы сто лет знаем друг друга.

– Но сейчас я беседую с нанимателем, – парировала Майя.

Федор опять взял стакан и сделал глоток.

– Давай сегодня не играть в барина и прислугу. Я тебя пригласил организовать праздник. Проследить за всем. И где Анна? Куда подевалась управляющая?

– Шмакова сегодня без предупреждения не вышла на работу, – объяснила Майя, – поэтому сейчас в доме временно нахожусь я.

– Кто наводит порядок на половине Светы? – спросила я.

– Алина, дочь Анны Борисовны Шмаковой.

– И где она? – рявкнул Дегтярев.

– Тоже не появилась утром, – отпраповала Майя.

– Почему ты молчала, мне не доложила? – процедил Федор.

– Все, что связано с ведением хозяйства, я сообщаю Ольге Гавриловне, – парировала Майя, – хозяина по пустякам не беспокоят. Ваша мать в курсе. В девять утра я отпраповала ей: «Ни управляющей, ни ее дочери на работе нет!»

Кузя быстро застучал по клавишам ноутбука.

– Ольга Гавриловна предположила, что они заболели, – продолжала Майя, – грипп в городе всех косит. Я велела связаться с Анной, выяснить, в чем дело. Шмакова ни на звонок, ни на сообщение в «Ватсап» не ответила. О чем я тоже сообщила матери хозяина. Она приказала временно назначить старшей Кристину. Вчера я занималась только организацией праздника. Что надо выяснить?

– Кто и когда убирал спальню Светланы, – велел Дег-

тырев, – что унесли из комнаты? Пустые бутылки?

– Светлана не пьет, – встала на защиту жены Федора Майя.

– Даже воду? – съязвил полковник.

– Минералку ставят, – вздохнула Петрова, – на тумбочку у кровати. Там же помещают небольшую коробочку конфет «Лодере», французских, иногда печенье той же фирмы. Это уж как жена Федора Петровича пожелает.

– Майя, – произнес бизнесмен, – я не люблю вести бизнес с друзьями. Не хочется в приятелях разочаровываться, и нет желания уступать в финансовых вопросах, а придется, если связался с давними знакомыми. Ты не очень хотела организовывать очередной мой день рождения, идти к нам кризисной управляющей.

Послышался тяжелый вздох.

– Верно. Трудно работать у тех, кого сто лет знаешь, с кем дружишь, но вы были одним из первых моих клиентов. Вообще-то я не завожу тесных отношений с работодателями, но вы особая статья. Поэтому я всегда помогаю, когда Ольга Гавриловна меня просит.

– У нас беда, – сказал Федор, – врачи подтвердили, что у Светы отравление.

– Боже! – ахнула Майя. – Вся еда была свежайшей! Я сама проверяла! Повара занесло, хотел подать на горячее рыбу как альтернативу.

– Это стандартное решение, – возразил Федор.

– Ага, – согласилась Майя, – лосось, дорадо, сибас, камбала – ешьте все на здоровье. Но мужик предлагал фугу!

– М-да, – крикнул Дегтярев.

– Чуть шеф ошибается, плохо рыбу обрабатывает, и гости цугом едут на кладбище, – фыркнула Майя, – я выгнала креативщика взашей, пригласила простого парня, без фанаберии. Он приготовил морской язык, вино вы сами дали из своего погреба.

– Слушай, хватит выкать, – вскипел Федор, – объяснил же, беда у нас! Ты нам друг! Прекрати.

– Ладно, – согласилась Петрова, – раз беседа дружеская, говорим откровенно. Что не так было в спальне?

– На тумбочке осталась пустая бутылка из-под воды. Но нет неиспользованных блистеров. Куда они подевались? – спросила я. – Перед нами фото спальни. Если упаковки от лекарств выкинули, то, возможно, Света сама... ну... Если же их не было, то был убийца.

– Сию секунду это выясню и доложу, – пообещала Майя и отсоединилась.

И тут зазвонил телефон Дегтярева.

– Да, Володя, – сказал Александр Михайлович, – так, ты на громкой, говори.

В офисе звучал голос Шкафина:

– Пришли расширенные анализы Светланы, по приезде ей сделали экспресс, определили наличие лекарства в крови. А сейчас стало ясно, что жена Федора приняла лошадиную

дозу антидепрессанта в сочетании с немалым количеством сердечного препарата. Это должно было привести к смерти Мухиной. Но она пока жива, дышит, может реагировать на обращение, правда, периоды ее активности исчисляются секундами. Доктора раздувают щеки, говорят на медицинском суахили, но мне думается, что они сами не понимают, почему больная не умерла. Ставят ей какие-то капельницы, а сами пребывают в растерянности. Если что-то еще выясню, сразу сообщу.

– Спасибо, – поблагодарил Дегтярев и вернул трубку на стол.

– Они в больнице, – сказал Кузя, – обе!

Глава девятая

Семен встал и включил кофемашину.

– Ты о ком говоришь?

– Сегодня в пять утра в квартиру Шмаковых вызвали муниципальную «Скорую». Увезли двух женщин: Анну Борисовну и Алину Васильевну, мать и дочь. Предположительно: у старшей инсульт, – отпрапоровал Кузя, – а у младшей гипертонический криз. Сейчас в базе больницы пошарю, гляну, что у них в картах написали.

– Мне от научно-технического прогресса делается страшно, – вздохнула я, – от умельцев вроде Кузи ничего не скроешь!

– Умельцев вроде Кузи больше нет, – надулся наш компьютерный гений, – один я, уникальный. Но справедливости ради замечу, не во всех медучреждениях тщательно защищают данные.

Кузя взял трубку и сказал:

– Здравсти! Мне надо узнать о состоянии Алины Васильевны Шмаковой. Кто?.. Сережа! И че? Мне к вам ехать?! Ну, ваще!

Он убрал телефон и заметил:

– Сурово ответили: «Сведения сообщают только родственникам, исключительно, когда они приедут в клинику и поговорят с врачом». Вроде все о'кей? А сейчас... неболь-

шой финт...

Кузьмин впился глазами в экран.

– И что? Вот они, Шмаковы! Обе! Нашел. За три секунды. Интересно, кто у них там компьютерами рулит? Отличный пароль на вход в базу больных. Volniza – один, два, три, четыре. Цифрами! Никогда никому не допереть такое попробовать! Анна Борисовна... упс!

– Что? Говори быстрее, – велел Дегтярев.

– Exitus letalis, – произнес Кузя, – умерла от инсульта. Первый раз в приемном покое скончалась. Ее откачали, отправили в реанимацию, там сердце опять брык. И кирдык!

– Прямо так и написано? – разозлился полковник. – Брык и кирдык? Кто вызвал «Скорую»?

– Алина Шмакова, дочь, – ответил Кузя.

– Оригинально, – хмыкнул Семен. – А увезли кого?

– Анну и Алину Шмаковых, – вздохнул Кузьмин, – совсем они плохие были. Но довезли их живыми! Значит, старались врачи, Шмакова, та, что медиков вызвала, сообщила бригаде, что она и мать руководили уборщиками в зале дома для гостей. Устали, решили перекусить. От гостей остались нетронутые порции горячего. Шмаковы полакомились филе-миньон с грибами. Потом решили взбодриться, выпили кофе и съели нетронутый кусок торта, он лежал на чистой тарелке в той части стола, где сидели хозяин с женой. Вероятно, торт не тронул Федор. Минут через двадцать Шмаковы поехали домой, они очень хотели спать. Что совсем неуди-

вительно, часы показывали полчетвертого, а в восемь они должны были снова явиться на работу. Когда женщины вошли в квартиру, пробило пять. Анна почти сразу потеряла сознание, Алина же, с трудом борясь с тошнотой и головной болью, вызвала «Скорую». Вызов поступил на пульт в пять ноль три минуты. В пять двадцать приехали медики. Через тридцать минут больных принял приемный покой. К врачам претензий нет, они быстро примчались.

– Ночью пробок меньше, – протянула я.

– Пока это все, – заявил Кузя.

Федор хлопнул ладонью по столу.

– Александр Михайлович! Я ваш клиент. Ищите того, кто отравил Свету. Даша заподозрила суицид, но для него нет причин. Никаких. Вообще ни одной!

– Нынче я владелец детективного агентства, – напомнил толстяк.

– И отлично, – отрезал Мухин, – с полицейскими связываться не желаю. Продадут прессе информацию. Вы лучше разберетесь, вам я верю безоговорочно.

– Но если дело не возбудить, то в суд... – завел Дегтярев.

– Суда не надо, – процедил Федор, – мне только данные преступника узнать. И все!

– Самосуд не лучшая идея, – предостерег его Семен.

Мухин встал.

– Не собираюсь я никого в бочку засовывать и цементом заливать. Есть другие способы отомстить. Пусть живет! Ни-

щим!

– А если это баба постаралась? – спросил Семен.

– В чем разница? – скривился Мухин. – Пусть живет! Без денег! Вы найдите того, кто Свету отравил, остальное моя задача. Для вашего спокойствия повторяю: жизни того, кто все задумал и сделал, ничто не угрожает. Совесть Дегтярева может спать спокойно. Если вы согласны, то оформляем договор прямо здесь и сейчас.

Полковник нахмурился, мы с Собачкиным переглянулись.

Я кашлянула.

– Федя, мы вообще-то друзья.

– И что? – прогудел Мухин.

– Что касается меня, то приятелям я помогаю просто так, – воскликнул Сеня.

– И я, – хором подхватили остальные.

Мухин открыл очередную бутылку с водой.

– Вы зарабатываете деньги оказанием услуг.

– Друзьям помогаем бесплатно, – отрезал Дегтярев.

Федор кивнул.

– Понял, не дурак. Расходы за мой счет! Не стесняйтесь. Потребуется кому-то за инфу заплатить? Не экономьте.

– Принято, – согласился Собачкин.

– Ну и договорились! – сказал Федя.

У меня звякнул телефон, на экране появилось сообщение: «Тетя Даша, позвоните, когда освободитесь». Я встала, вы-

шла во двор и набрала номер, с которого прилетело эсэмэс.

- Тетя Даша, – зашептала Катя, – что с мамой?
- Она в больнице, – осторожно ответила я.
- Знаю, но что с ней?
- Мне пока это неизвестно, – соврала я.
- Узнайте, пожалуйста, – всхлипнула девочка.
- Света в реанимации, – выдала я часть информации, – больше я ничего не выяснила, врачи по телефону не говорят.
- Дайте им денег, – посоветовала дочь Светы.

И наш диалог потек, как река.

- Я нахожусь дома!
- Поезжайте в больницу.
- Сейчас не могу.
- Вы же подруги!
- Катя, Света лежит в палате интенсивной терапии, туда не пускают.
- С врачом побеседуйте.
- Я не родственница, доктор откажется что-либо мне сообщать.
- Дайте ему денег!
- Катя!
- Что?
- Давай подождем!
- Чего?
- Ольга Гавриловна все выяснит и сообщит тебе.
- Нет! Нет! Нет! Она меня ненавидит!

– Катя!

– Неприятно правду слышать? Бабка рада! Она давно хотела, чтобы мама умерла!

– Катя! Я понимаю, что ты сейчас взволнована...

– Я спокойно говорю!

– Ольга Гавриловна хорошо относится к Свете.

– Ха-ха-ха! Бабка мечтала, чтобы отец женился на Флоре!

Незнакомое имя меня удивило.

– Кто такая Флора?

– Девушка!

Я глубоко вдохнула.

– Где ты находишься?

– В Огонькове, в торговом центре.

Я посмотрела на часы.

– Могу приехать через полчаса.

– Тетя Даша, – заплакала Катя, – пожалуйста! Мне очень страшно! Меня трясет! Холодно!

– Иди в кафе, купи горячего чая, – распорядилась я, – скажи официанту, что сейчас тетя придет и заплатит. Съешь пирожное.

– Меня тошнит. Деньги есть, – всхлипнула девочка.

– Ты одна? – уточнила я.

– Да. С кем мне еще быть?

– С Ниной, – предположила я.

– Нет! Мне жутко плохо! Она не поможет! Приезжайте скорей.

– Уже в пути, – ответила я и направилась к гаражу.

Глава десятая

Когда я вошла в ресторан, Катя сидела в углу пустого зала, перед ней стоял чайник. При виде меня она схватила салфетку и уткнулась в нее лицом. Плечи ее вздрагивали.

Я села рядом и обняла Катю.

– Тише! Все будет хорошо.

– Тетя Лена накричала на бабушку, – прошептала Катюша, – не знаю, из-за чего они поругались. Но она сказала... сказала... ой! Простите, я только лицо вытру.

Я поняла, что Катя долго плакала. Глаза и нос у нее покраснели, веки опухли, по щекам градом катились слезы.

К нам подбежала официантка.

– У вас все в порядке?

– Здесь есть аптека? – задала я свой вопрос.

– Да, рядом, – ответила девушка, – через два магазина слева.

Я погладила Катю по голове.

– Сходи в туалет умойся. Я принесу капли, ты их выпьешь, и мы поговорим.

Екатерина судорожно закивала, встала и, шмыгая носом, пошла в сторону двери с табличкой «WC».

– Сейчас вернусь, – пообещала я официантке, – принесите что-нибудь к чаю, – и побежала за лекарством.

– Девочка заказала индийский, – крикнула мне в спину

девушка. – Вам такой же?

– Да, – ответила я, мне был совершенно безразличен вид напитка.

Сейчас я была готова выпить не только индийский чай, который не люблю, но даже молоко с пенкой.

Когда я вернулась в ресторан, Катюша уже сидела за столом, перед ней стоял чайник и тарелка с пирожными.

Я села напротив и фальшиво бодрым тоном соврала:

– Светлана в реанимации, но ей лучше.

Катя шмыгнула носом.

– Правда?

– Так твой папа сказал, – продолжала я лгать.

Девочка схватила салфетку, покрытую коричневыми разводами, и начала мять ее.

– Мама поправится?

– Непременно! – опрометчиво пообещала я, не говорить же правду, что никто из врачей не знает, что будет сегодня ночью и уж тем более завтра утром.

– Тетя Лена кричала, что ее сестра умрет, как Флора, – забормотала Катя, – что бабушка никогда не хотела, чтобы папа женился на маме. Что она вообще всегда была против всех его невест. Одна Флора ей нравилась, но ее по указке Ольги Гавриловны убил Гоша. А потом он сам умер.

Я потрясла головой.

– Флора? Гоша? Кто они? Пей чай, пока не остыл!

Катя взяла чашку.

– Никогда этих имен не слышала. Вдруг бабушка решила убить и мою маму?

Я погладила Катю по голове.

– Солнышко, в твоём рассказе концы с концами не сходятся. Сначала ты говорила, что бабушке нравилась одна Флора, а теперь утверждаешь, что ее лишили жизни по приказу Ольги Гавриловны. Наверное, ты что-то напутала!

– Нет, – всхлипнула Катя, – спросите у тети Лены. Хотя она вам наврет, скажет: «Я не разговаривала с мамой Федора». Мать Нинки лжет так здорово, что ей все верят! А бабка часто повторяет: «В каждом доме по гнилому кому. Про семейные дела и тайны никому сообщать не надо, говоря о своих неприятностях, сама себе яму роешь. Сейчас подружка тебя выслушает, посочувствует. А через год ты с ней поругаешься, и она мигом растреплет всем про твои секреты. Что в семье случилось, то в семье и похоронилось, на большую дорогу не выкатилось». Нам с Нинкой ничего серьезного не рассказывают, типа, мы маленькие. Я это случайно услышала! Ночью пошла за аптечкой, голова раскалывалась, иду мимо спальни бабки, а из-за двери голоса. Не надо говорить, что подслушивать плохо! У меня и сейчас черепушка раскалывается!

Девочка вытерла лицо все той же салфеткой, которая стала напоминать тряпку.

– Бабушка бубнила: «Лена, успокойся. Лена, тебе дурь в голову пришла. Лена, прекрати истерику». У нас в семье

других Лен нет, только мать Нинки. И кто еще мог ночью в доме находиться? Только свои.

– Катюша, – спросила я, – ты любишь папу?

– Да, – выпалила девочка.

– Тогда попробуй понять, как ему сейчас тяжело. Ольге Гавриловне тоже несладко...

– Тетя Даша, – перебила меня Катя, – бабуля хороший человек, но специфический. Если она к кому-то нормально относится, то до смерти замучает замечаниями. У мамы адское терпение. Бабка ей каждый день обязательно что-то противное скажет. «Куда в туфлях в гараж, на дворе декабрь», «Опять не ужинаешь? Глупо на диете сидеть». В понедельник в очередной раз стала мою мамулю жизни учить: «Зачем купила сумку за космические деньги? Точь-в-точь такие за дешево найти можно». Я, как это услышала, так разозлилась! А мамулечка всегда смеется, никогда не сердится на старуху, она ей ответила: «Федор велит мне в дорогих вещах на людях появляться. Якобы по внешнему виду супруги судят об успешности мужа». Бабка отрезала: «Глупость несусветная! Не слушай Федю». Мамуля ей: «Не хочу его расстраивать». Мне просто противно стало их слушать. Мама совсем без характера! Наподдать надо бабке за вечные придирки.

Я поманила официантку.

– Писатель Бернард Шоу на вопрос: «Какие слова ярче всего свидетельствуют о любви к человеку», ответил: «Идет дождь, возьмите зонтик».

Катя заржала.

– Шизанутый! Любовь – это когда дарят цветы, дорогие вещи, ювелирку, говорят, что ты самая лучшая, прекрасная...

– Писатель считал, что настоящее чувство не вспышка эмоций, а проявление ежедневной заботы, – пояснила я, вынимая кошелек, – не страсть, не пожар, а ровный огонь. Зачем я все это говорю? Если ты на самом деле любишь папу, то постарайся не осложнять его жизнь, не скажешь, что бабушка и Елена поругались. Пойдем, отвезу тебя домой.

– Нет, – возразила девочка, – я сама доберусь, не хочу, чтобы кто-то знал о моей встрече с вами. Можете выяснить, что за люди Флора и Гоша?

– Попробую, но не гарантирую успеха, – предупредила я. Катя вдруг засмеялась.

– Ой, да ладно. Знаю, что вы работаете у своего любовника, а он владелец детективного агентства.

– Александр Михайлович мой давний друг, – возразила я, – и у него есть жена Марина.

Екатерина ухмыльнулась:

– Кому это мешает?

– Ты о чем? – уточнила я.

– Жена не стена, подвинуть можно, – заявила собеседница.

– Слышала это выражение, – сказала я, – еще в школьные годы с ним познакомилась. Жила в коммунальной квар-

тире, одна из соседок мечтала выйти замуж, да все не удавалось. Сейчас я понимаю, что неудачи на брачном рынке у нее были из-за нежелания самой воспитывать супруга, проходить с ним путь от не бог весть какого достатка к обеспеченной жизни. Олеся всегда охотилась на женатых. Некоторые мужчины не прочь сходить налево, но разводиться далеко не каждый готов. Состоять в любовницах при ком-то незавидная доля. Поговорку знаешь? Если хочешь стать женой генерала, выходи замуж за солдата. Ну и закон бумеранга никто не отменял. А еще имей в виду: если парень заводит с тобой отношения, а дома его ждут законная жена и дети, то он непорядочный человек. А непорядочность – системное заболевание. Нельзя изменять одной супруге, а в последующем браке стать верным мужем. Кобелирование не лечится, рано или поздно твой отбитый в нечестном бою мужик пойдет налево и от тебя. Не произноси фразу про стену, кое-кто, услышав ее, перестанет с тобой общаться. Подруги, которые счастливо замужем, живо сведут дружбу с тобой к нулю. Почему? Ответ ясен. Приятельница подумает: «Если Екатерина способна «подвинуть» чью-то законную жену, то она представляет опасность и для моего брака». А мужчина, который услышит эту фразу, мигом понизит твой статус от «пора мне жениться, Катя может стать верной супругой», до «пересплю с девчонкой несколько раз и до свидания. Она не видит ничего дурного в романе с чужим мужем, значит, и мне, если женюсь, изменять будет».

– Глупости, – вспыхнула Екатерина, – у всех девчонок в классе папаши с разными бабами живут. А дома жены сидят. Мужикам, значит, можно, а нам нет? Сейчас другие времена, не такие, как в вашу молодость. Нынче равенство полов.

Я засмеялась.

– Равенства полов нет. И не будет никогда. Я знаю женщин, которые простили супругам измену и старательно делают вид, что у них в семье любовь. Но, знаешь, я до сих пор не видела ни одного представителя сильного пола, который, узнав, что жена побывала в чужой постели, продолжил бы жить с ней как ни в чем не бывало. Давай перестанем спорить по гендерным вопросам. Тебе сейчас надо решать другие проблемы. Ты любишь отца и бабушку? Если да, то наступишь на свой эгоизм и не доставишь хлопот родным. Если нет, то устраивай истерику.

Глава одиннадцатая

Войдя в столовую, я увидела на своем месте худую, если не сказать тощую, женщину в бежевой блузке, удивилась и села на другой стул.

– Знакомся, – воскликнул Гарик, – Энн Мэри Бранд Коуч.

Я, ничего не понимая, кивнула.

– Добрый день. У вас очень красивая фамилия.

– Бранд – вполне заурядно звучит, – буркнул Дегтярев, – у меня в отделе служил Гена Бранд. Редкий идиот был!

Мне стало неудобно перед иностранкой, полковник часто бывает неделикатен, поэтому я сказала:

– Бранд распространенная фамилия. Но наша гостья Бранд Коуч. Вы, наверное, англичанка?

– Мусик, – шепнула Маша, сидевшая рядом, – коуч – это тренер.

– Бранд Коуч Тренер? – повторила я. – Необычно.

– Бранд – это фамилия, – сказала женщина, – коуч в переводе тренер, это профессия. К англичанам я отношения не имею. Я с Москвы.

– Простите, пожалуйста. Впервые сейчас услышала слово коуч, у меня есть подруга Фаина Коуч, она сейчас в Израиле живет. Вот я и подумала, что у вас с Фаей похожие фамилии. А чем занимается коуч? Вы в какой области специалист? –

завела я беседу, не обращая внимания на оборот «с Моск-
вы».

– Фейс лифт, – ответила гостья.

Я задумалась. Фейс – определенно лицо. Что такое лифт, объяснять не стоит. Значит, лицо лифт? Это еще более непонятно, чем заковыристое словечко коуч! Лицо едет на лифте? Куда? Зачем? Как это возможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.